

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371(091)
ББК 4403(2)6-4

ГСНТИ 14.35.07

Код ВАК 13.00.02

Бахтина Ирина Леонидовна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории и теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: bahtina@uspu.ru

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ И УЧИТЕЛЬСТВО ЕКАТЕРИНБУРГА В ГОДЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 – ИЮНЬ 1918 ГГ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательные школы; Екатеринбург; революция; учительство; гражданское противостояние; реформирование школы; городское самоуправление; комиссариат просвещения.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется влияние революционных событий 1917-1918 гг. в России в целом и в Екатеринбурге в частности на деятельность городских общеобразовательных школ вплоть до начала широкомасштабной гражданской войны на Урале в июне 1918 г. Анализируются попытки педагогической общественности и учащихся реализовать идеи преобразования школы на основе ее демократизации и децентрализации системы управления образованием. Радикально настроенная педагогическая общественность стремилась противопоставить окружным и местным чиновникам новые, выборные на демократической основе, органы руководства образовательными учреждениями. При этом учительство связывало осуществление преобразований с созывом Всероссийского Учредительного собрания. Отмечается, что, защищая свои профессиональные интересы, большинство учителей было решительно против насилия и классового противостояния. Большое внимание уделено изучению изменений в настроениях и политической позиции екатеринбургского учительства в условиях гражданского противостояния в обществе, деятельности городских органов самоуправления и пришедших им на смену местных советских органов по руководству образовательными учреждениями и по реформированию образования в соответствии с идеями «новой школы», получившими широкое распространение в годы революции, возрастанию роли ученических коллективов в управлении средними учебными заведениями. Политические свободы позволили усилить демократические начала в жизни учебных заведений: преподаватели и учащиеся получили возможность свободно участвовать в обсуждении вопросов на любые общественно-политические темы.

Bakhtina Irina Leonidovna,

Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History, Theory and a Methods of Teaching of History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Popov Michael Valerevich,

Doctor of History, Professor, Head of Department of Russian History, Theory and a Methods of Teaching of History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

SECONDARY SCHOOLS AND TEACHING IN EKATERINBURG IN THE PERIOD OF RUSSIAN REVOLUTION (FEBRUARY 1917 – APRIL 1918)

KEY WORDS: secondary schools; Ekaterinburg; Revolution; teaching; civil conflict; reform of school; municipal autonomy; Commissariat of Education.

ABSTRACT. The paper examines the impact of the revolutionary events of 1917-1918 in Russia and in Ekaterinburg on the activities of the secondary schools until the beginning of the civil war in the Urals in June 1918. The authors analyze the attempts of the teaching community and students to realize the idea of the transformation of the school on the basis of its democratization and decentralization of education management system. The alternative educational community has sought to oppose the district and local officials the new authorities of educational institutions management, elected on a democratic basis. At the same time the teaching reform was connected with the convocation of the All-Russian Constituent Assembly. It is noted that the majority of teachers were against violence and class conflict to defend their professional interests. Much attention is paid to the study of changes in the attitudes and political views of Ekaterinburg teachers during the civil confrontation in the society; to the activities of municipal governments replaced by the local Soviet authorities in the sphere of management of educational institutions and the reform of education in accordance with the ideas of the "new school", which was widely spread in the years of the revolution; and to the increasing role of student groups in the management of secondary schools. Political freedom allowed to strengthen democratic principles in the life of schools: teachers and students were

able to freely participate in discussions on any socio-political issues.

События 1917-1918 гг. в России оказали громадное влияние на ход дальнейшего исторического развития нашей страны и поэтому всегда привлекали внимание исследователей. Российская революция оставила глубокий след в истории отдельных регионов, областей и городов, в том числе и в истории Екатеринбурга. Однако специальные труды советских и современных историков о революционных событиях в Екатеринбурге, посвященные истории городских общеобразовательных учреждений и учительства, отсутствуют.

А ведь еще в 1923 г. в статье, помещенной в юбилейном сборнике «Екатеринбург за двести лет (1723-1923)», непосредственный участник событий тех лет, комиссар просвещения Екатеринбурга в 1918 г. Д. А. Киселев описал события, происходившие в учебных заведениях и педагогическом сообществе города в годы революции. Статья его невелика по объему и охватывает гораздо больший исторический период, чем 1917-1918 гг. А главное, события тех лет оцениваются исходя из большевистских установок о решающей роли «классовой борьбы» в развитии общества, порой оценки Д. А. Киселева как участника событий носят далеко не объективный характер [14]. В 1930-е гг. Д. А. Киселев стал жертвой необоснованных политических репрессий и его труд оказался вначале запрещенным, а затем и забытым. В современной исторической литературе оценка событий, происходивших в екатеринбургских общеобразовательных учреждениях, дается лишь в монографии Б. М. Игошева, М. В. Попова, М. К. Елисафенко и М. В. Суворова по истории педагогического образования в столице Урала [13].

Целью настоящей статьи является изучение влияния русской революции на изменения, произошедшие в деятельности средних и начальных общеобразовательных учебных заведений Екатеринбурга, и на политическую позицию екатеринбургского учительства. Хронологические рамки исследования охватывают период с февраля 1917 г. по июнь 1918 г. – начало мятежа Чехословацкого корпуса, означавшего начало в России, в том числе на Урале, широкомащтабной гражданской войны.

К началу 1917 г. в Екатеринбурге, тогда уездном центре, были различные типы учебных заведений – общеобразовательные начальные училища, два городских высших начальных училища, средние учебные заведения – Первая и Вторая женские гимназии, мужская гимназия и реальные училища. Низшим образованием ведала городская управа, городские высшие начальные

училища были в ведении директора народных училищ Пермской губернии, средние – попечителя Оренбургского учебного округа. Кроме того, функционировал ряд средних специальных учебных заведений, из которых наибольшее значение имели Екатеринбургский учительский институт, торговая и художественно-промышленная школа. Характерным было наличие частных учебных заведений – это прежде всего гимназии: А. Н. Остроумовой, Е. Н. Смиренской и Л. С. Архиповой-Нелькиной (за рамками нашего исследования остаются Горный институт и учебные заведения Русской православной церкви, действовавшие в Екатеринбурге: духовное училище и церковно-приходские школы, женское епархиальное училище и духовная семинария).

По подсчетам современника событий Д. А. Киселева в 1917 г. преподавательский состав этих учебных заведений Екатеринбурга составлял более 300 человек [14, с. 234]. Подавляющее большинство учителей преподавало в средних учебных заведениях и в начальных школах повышенного типа. В 1916 г. в низших начальных училищах Екатеринбурга преподавательскую работу вели 57 педагогов, причем все они были женщинами, имеющими гимназическое образование [20. 1916. 24 июня].

Происшедшая в феврале 1917 г. революция повлекла за собой демократические преобразования во всех областях общественной жизни России, затронувшие и систему образования. Эти преобразования были поддержаны подавляющей частью учительства, в том числе на Урале и в Екатеринбурге. Важную роль в этом играли представители профессиональных учительских организаций, среди которых особенно хотелось бы отметить членов Всероссийского учительского союза (ВУС). Он был сформирован 7-9 апреля 1917 г. в Петрограде на Всероссийском учительском съезде, в работе которого участвовало 800 делегатов. Они приняли устав союза, первый параграф которого гласил: «Основными своими задачами союз считает: ... борьбу за коренную реорганизацию дела народного просвещения в России на началах свободы, демократизации и децентрализации его». Председателем ВУС был избран С. А. Золотарев [15, с. 127].

В организации ВУСа активное участие приняли представители учителей Урала, в том числе Екатеринбурга. Еще 26 марта в помещении Гоголевского начального училища в Екатеринбурге состоялось собрание преподавателей городских школ, на котором избрали делегатов на Всероссийский учительский съезд. Ими были избраны М. А. Прокофьева и П. Я. Блиновский [20. 1917. 29 марта]. В Пет-

роградском учительском съезде от Екатеринбургского активного участия принимал Н. Г. Годнев [11. 1917. 21 апр.].

Создаваемые учительские организации, в том числе на Урале, были инициаторами смещения со своих постов чиновников в системе управления образованием и реорганизации этого управления на демократических принципах. В начале апреля в Уфе (именно здесь размещалась канцелярия управления Оренбургского учебного округа) союзом учителей было выражено недоверие тем, кто стоял во главе учебно-образовательного управления, и просьба о их замене была направлена министру просвещения Временного правительства [11. 1917. 8 апр.]. Еще в конце марта Учительский союз в Перми предложил директору народных училищ Пермской губернии А. П. Раменскому оставить свой пост в связи с преклонным возрастом [11. 1917. 1 апр.].

Подобной же позиции придерживались и подавляющее большинство педагогов Екатеринбургского, которые в начале апреля 1917 г. были инициаторами создания в этом городе учительской организации Уральский педагогический союз (УПС). Уже 3 апреля в здании реального училища на собрании учителей был принят устав Уральского педагогического союза, в котором, наряду с организационными задачами, было заявлено, что Педагогический союз ставит своей целью:

«1. Взаимодействие с целью улучшения духовных и моральных условий жизни и деятельности учащихся (учителей – авторы), а также их правового положения...

2. Разработку вопросов школьной организации и содействие поднятию учебного дела на подобающую высоту...

3. Воспитательно-преподавательскую деятельность» [11. 1917. 11 апр.].

Согласно принятому уставу, членами Уральского педагогического союза могли быть «учащие и учившие в каких-либо учебных заведениях и лица, занимавшиеся обучением на дому, если эта деятельность являлась их профессией». Устав предусматривал принятие в состав союза в качестве филиалов однородных по целям учительских организаций вне Екатеринбургского, которые в местной деятельности сохраняют свою самостоятельность. Уставом предусматривалась уплата членских взносов в размере трех рублей [11. 1917. 11 апр.].

Следует отметить, что в условиях эйфории первых послереволюционных месяцев под флагом демократических реформ в профессиональной учительской организации объединились люди с различными политическими взглядами. В качестве филиала к УПС присоединилась организация

преподавателей екатеринбургских духовных учебных заведений [11. 1917. 16 апр.]. Здесь были и преподаватель Екатеринбургской торговой школы, большевик Д. А. Киселев, и преподаватель географии и естествознания реального училища А. Н. Розов, впоследствии один из лидеров белого движения. И все-таки большинство учителей Екатеринбургского и правление Уральского педагогического союза во главе с его председателем – исполняющим обязанности инспектора Екатеринбургского реального училища, преподавателем истории и права Е. Н. Строгиным были сторонниками революции и политических свобод, сторонниками демократизации и модернизации системы народного образования. Об этом свидетельствует организованный правлением Уральского педагогического союза 9-11 мая 1917 г. съезд учителей Екатеринбургского уезда, в котором приняли участие более 300 педагогов. С докладами выступили представители Уральского педагогического союза, которые познакомили участников с решениями учительских съездов, состоявшихся накануне в Петрограде и в Москве. Главный доклад в первый день работы съезда сделал активист учительского союза А. А. Прозоров на тему «Организация и управление школами в уезде».

Второй день был посвящен «ознакомлению членов союза с настоящим историческим моментом». Были заслушаны доклады о гражданских свободах, всеобщем избирательном праве, необходимости и путях решения аграрного вопроса в России. Однако основным являлся доклад Н. Г. Годнева (преподаватель русского языка и литературы Екатеринбургского реального училища, член правления УПС) «История революционного движения в России в связи с эволюцией общественности». Корреспондент газеты «Уральская жизнь» пишет: «Память о борцах за свободу была почтена вставанием, и учительство стройно запело «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»». Председатель правления Уральского педагогического союза Е. Н. Строгин выступил с докладом о гражданских свободах, а член правления В. И. Будрин (преподаватель мужской гимназии) произнес речь об основах государственного права и формах государственного управления. Слово было предоставлено представителям партий социалистов-революционеров и социал-демократов. Первый посвятил свою речь аграрному вопросу, второй говорил «об идеалах демократической школы».

Третий день съезда был посвящен ознакомлению учителей с программами политических партий, были приняты резо-

люции и избраны делегаты на учительский съезд в Уфе [20. 1917. 14 мая].

Таким образом, екатеринбургское учительство и руководство Уральского педагогического союза были сторонниками политических свобод и реформирования школы на основах ее демократизации и децентрализации управления системой образования. При этом учительство связывало осуществление преобразований с созывом Всероссийского Учредительного собрания. Защищая свои профессиональные интересы, большинство учителей были решительными противниками насилия и классового противостояния. Это проявилось во время Первомайских праздников: большинство преподавателей учебных заведений Екатеринбурга не вышло на демонстрацию 1 мая. Директор реального училища (В. И. Кирцендель – *авторы*) прямо заявил на одном из педагогических совещаний: «Причем здесь мы. Это чисто рабочий праздник» [14, с. 237].

Влияние февральской революции на деятельность екатеринбургских школ не было однозначным. Напряженная политическая обстановка, народные волнения весной 1917 г. заставили попечительские и педагогические советы средних учебных заведений принять решения о досрочном прекращении занятий с 1 мая 1917 г. Политические свободы позволили усилить демократические начала в жизни учебных заведений: преподаватели и учащиеся получили возможность свободно участвовать в обсуждении вопросов на любые общественно-политические темы. Например, 26 апреля 1917 г. в Первой женской гимназии состоялось заседание кружка учащихся, на котором был заслушан и обсужден реферат о программах и тактических установках Российской социал-демократической партии [20. 1917. 26 апреля]. Весной 1917 г. при Екатеринбургском учительском институте было организовано чтение лекций, в которых излагались программы различных политических партий. В лектории могли принять участие все желающие. От большевиков в качестве пропагандистов их взглядов выступал известный партийный деятель Н. Н. Крестинский, от Партии Народной Свободы (кадетов) – Л. А. Кроль и К. М. Гавриленко [20. 1917. 28 апр.].

Значительно возросла роль ученических коллективов в управлении средними учебными заведениями. Уже в марте 1917 г. в мужской гимназии учащиеся старших классов стали принимать участие в собраниях родительских комитетов с совещательным голосом [11. 1917. 25 марта]. Во второй женской гимназии в апреле 1917 г. организация учениц старших классов обратилась к педагогическому совету с просьбой

знакомить гимназисток с содержанием протоколов педсовета. И такое разрешение было дано [3, л. 11].

Весной 1917 г. радикально настроенная педагогическая общественность стремилась противопоставить окружным и местным чиновникам новые, выборные на демократической основе, органы руководства образовательными учреждениями. В Москве таким органом стал союз родительских комитетов, в котором активное участие принимали учителя и учащиеся. В марте в екатеринбургской мужской гимназии был создан родительский комитет, в который вошли и гимназисты старших классов. Родители и педагоги Второй женской гимназии выразили желание принять участие в выборах новой начальницы этого учебного заведения [11. 1917. 25 марта]. Ранее начальница избиралась Попечительским советом и утверждалась чиновниками Оренбургского учебного округа.

Во второй половине 1917 г. в связи с общим экономическим кризисом в стране начинаются серьезные материальные трудности в деятельности учебных заведений, в том числе екатеринбургских. К началу 1917/18 уч. г. в результате инфляции и снижения финансирования серьезно снизилась зарплата преподавателей общеобразовательных школ. Уже 21 июня 1917 г. на экстренном заседании городской думы было принято решение ходатайствовать перед министерством народного просвещения «о скорейшем пересмотре окладов учительскому персоналу низших начальных школ». Если государство не сможет выделить достаточно дополнительных средств, то городское самоуправление брало на себя обязательство выделить прибавку к ежемесячному окладу учителей в 20 руб. за счет городского бюджета [11. 1917. 21 июня].

Осенью 1917 г. осложнилось положение с материальным обеспечением школ и средних учебных заведений Екатеринбурга. Так, учителя высших начальных училищ недополучили за сентябрь 33% положенной по закону суммы должностного оклада, а жалованье учителей средних учебных заведений города не возросло в соответствии с инфляцией и составляло, как и весной, от 75 руб. за годовой час у преподавателей мужских учебных заведений и 40 руб. в женских гимназиях [21, с. 27]. Нехватка средств в условиях начавшегося учебного года заставила исполняющую обязанности начальницы Второй женской гимназии М. А. Агафонову обратиться с просьбой об оказании помощи к торговому дому «Братья Степановы». Фирма выделила кредит на 5 тыс. руб. [4, л. 11]. В середине ноября по запросу Первой женской и мужской гимна-

зий для увеличения зарплаты преподавателей этих учебных заведений городская дума выделила из городского бюджета 8 тыс. руб. [11. 1917. 15 нояб.]. Что касается реального училища, то на прибавку к зарплате «на дороговизну» преподавателям в октябре 1917 г. 2375 руб. было ассигновано екатеринбургским уездным земством [11. 1917. 23 окт.]. Как видим, в этот период материальное положение учителей Екатеринбурга зависело от органов местного самоуправления и меценатов.

Работу по защите чисто профессиональных интересов учительства проводил Уральский педагогический союз. Например, правление союза направило доклад в канцелярию Оренбургского учебного округа – в Уфу для ходатайства перед министерством о восстановлении в правах уволенных в 1906 г. без объявления причин А. М. Клименшиной и Е. И. Тютковой – учительниц Первой женской гимназии. Для улаживания конфликтов в преподавательских коллективах УПС создавались комиссии для их третейского разбора [21, с. 10].

Учителя – члены Уральского педагогического союза принимали участие в культурно-просветительной и общественно-благотворительной работе. Например, на железнодорожной станции Екатеринбург I учителями была открыта для взрослых читальня-библиотека; в Кыштыме были организованы вечерние классы для взрослых, площадки для детских игр и т. д. [21, с. 11]

Что касается политической позиции Уральского педагогического союза, то официально объявляя союз «непартийной» организацией, руководство УПС фактически осуществляло профессиональную работу «на платформе всемерной поддержки Временного правительства в деле осуществления широких демократических реформ...» [21, с. 15]. Летом – осенью 1917 г. УПС фактически поддерживал программу Конституционно-демократической партии и во время выборов в Екатеринбургскую городскую думу призвал учительство голосовать за кадетов [14, с. 237].

Среди гласных в думу от партии кадетов была представлена лишь одна учительница – преподаватель Второй женской гимназии М. Л. Закожурникова. В то же время в этот орган местного самоуправления баллотировался преподаватель Торговой школы Д. А. Киселев, член партии большевиков. Более того, в созданной при Екатеринбургской городской думе школьной комиссии большинство оказалось у большевиков и левых эсеров [14, с. 237]. Все это свидетельствовало о расколе в учительской среде, о появлении среди учителей Екатеринбурга

определенного числа сторонников большевиков и их союзников.

В то же время осенью 1917 г. в условиях нарастания экономического кризиса органы местного самоуправления сделали много для расширения сети учебных заведений в Екатеринбурге: начали функционировать открытые Екатеринбургской городской думой два низших начальных училища – семнадцатое и восемнадцатое [11. 1917. 8 окт.], открылось третье высшее начальное училище, одиннадцать церковно-приходских школ перешли их церковного ведомства в ведение городской думы [8, л. 27]. 30 октября 1917 г. в здании Второй женской гимназии городским попечительством о бедных открылась смешанная гимназия (где учились девочки и мальчики), куда принимались без оплаты выходцы из бедных слоев населения [11. 1917. 12 нояб.]. В гимназию было принято 160 учеников и учениц. В основу обучения был положен принцип трудовой школы. Занятия, проводившиеся по вечерам, включали обучение трудовой деятельности – столярному и слесарному делу [20. 1917. 9 нояб.]. Начальницей вновь открывшейся гимназии была избрана уже упоминавшаяся гласная Екатеринбургской городской думы и преподаватель Второй женской гимназии М. Л. Закожурникова [11. 1917. 6 окт.].

События, связанные с февральской революцией, повлияли и на настроения и поведение учащейся молодежи Екатеринбурга. В целом, ученики старших классов учебных заведений города, в том числе и под влиянием учителей, поддержали изменения в политической жизни, произошедшие в стране. В то же время политические свободы, возможность участвовать в митингах и демонстрациях воспринимались значительной частью учащейся молодежи как повод для пропуска учебных занятий, нарушения школьной дисциплины, невыполнения требований педагогов. После получения известий о событиях в Петрограде в средних учебных заведениях в учебные часы по инициативе учащихся прошли собрания, где эти события обсуждались. Требования преподавателей соблюдать порядок воспринимались учащимися как попытка нарушить их права. Для того чтобы не было повода для конфликта между учащимися и педагогами, уже в начале марта был официально упразднен внеклассный надзор педагогического персонала за учениками [5, л. 99].

24 марта 1917 г. в Новом городском театре состоялся общеученический митинг екатеринбургских школ. Еще раньше на собрании представителей учащихся старших классов учебных заведений, состоявшемся во Второй женской гимназии, была создана

ученическая организация «Цекапос». В каждом учебном заведении Екатеринбурга избирались старосты, которые являлись представителями классов в контактах с преподавателями, делегировали своих представителей на заседания родительских комитетов, поддерживали по классам дисциплину [11. 1917. 25 марта].

На собраниях учащихся обсуждались также вопросы внутренней жизни гимназий и училищ, выдвигались требования к администрации и педагогическим советам учебных заведений, с которыми в тех условиях чиновники и преподаватели в большинстве случаев вынуждены были считаться. Например, в Екатеринбургском реальном училище в марте 1917 г. учащиеся седьмых, sixth и пятых классов попросили педсовет в связи с революционными событиями замедлить процесс прохождения учебных программ. Педагогический совет согласился с их просьбой, учитывая, что «при таком их (учащихся – авторы) настроении речи о нормальном ходе занятий быть не может, пока они не успокоятся, не придут в себя» [5, л. 95]. В апреле старшеклассники подготовили уже целую петицию к администрации и педсовету реального училища, которая включала целый комплекс требований: закончить учебные занятия 29 апреля, разрешить ученикам с неудовлетворительными результатами годичных занятий сдавать поверочные испытания по выбору учеников – либо весной, либо осенью, допускать представителей учеников старших классов на заседания педагогического совета и ряд других. Все эти требования были выполнены, за исключением участия учащихся в работе педсовета [5, л. 120-121].

Что касается политической позиции учащихся старших классов средних общеобразовательных учреждений Екатеринбурга, то весной – летом 1917 г. они в большинстве своем поддерживали Временное правительство, очень многие по своим политическим взглядам были сторонниками партии социалистов-революционеров (эсеров). В мае – июне учащиеся реального училища несколько раз выступали с инициативой переименовать Екатеринбургское Алексеевское реальное училище (названное в 1873 г. в честь сына Александра II Алексея) в училище имени А. Ф. Керенского – главы Временного правительства и одного из лидеров эсеров [11. 1917. 5 июня]. О политических взглядах слушателей Екатеринбургского учительского института свидетельствует тот факт, что перед отъездом их на каникулы в конце апреля в это учебное заведение были приглашены видные эсеровские деятели Б. А. Железнов и И. П. Тарасов с целью проведения инструктивных занятий для того,

чтобы отъезжающие на каникулы могли вести пропаганду эсеровских взглядов среди населения [20. 1917. 25 апр.].

Осенью 1917 г. в связи с общим обострением гражданского противостояния в стране происходит и радикализация настроений учащейся молодежи. Ученические организации все более противопоставляют себя администрации учебных заведений и выдвигают заведомо невыполнимые требования, негативно влияющие на учебный процесс. В октябре учащиеся средних учебных заведений Екатеринбурга предъявили педагогическим советам этих гимназий и училищ требования, касающиеся участия учащихся в управлении школой, отмены экзаменов, упразднения бальной оценки результатов учебы, запрета оставлять неуспевающих на второй год. Во главе этого радикального движения стояла вышеупомянутая организация «Цекапос», которая грозила ученической забастовкой [11. 1917. 13 окт.].

Для разрешения споров учеников с администрацией училищ и гимназий этой организацией учащихся была создана специальная комиссия, которой в учебное время было организовано многочленное собрание учеников реального училища, где произносились обвинительные речи по адресу директора – В. И. Кирценделя. Сам директор явился на собрание и потребовал прекращения сходки, но участвовавшие в ней отказались выполнить это требование и продолжали критические выступления [11. 1917. 8 окт.].

Директор Екатеринбургского реального училища, преподаватель математики В. И. Кирцендель не был в отличие от большинства своих коллег по училищу в составе правления и в числе активистов Уральского педагогического союза, не стремился заниматься политикой, но был твердым сторонником традиционных устоев и правил школьной жизни, порядка ученической дисциплины. В начале октября 1917 г. большой резонанс в общественной жизни Екатеринбурга вызвал конфликт между ученическим коллективом и педагогическим советом Второй женской гимназии, который возглавлял все тот же В. И. Кирцендель.

Здесь под предлогом широкой демократизации системы образования радикальные идеи о предоставлении главной роли в управлении учащимся вплоть до введения их представителей в состав педагогических советов с решающим голосом и численным преобладанием стали пропагандироваться преподавателем словесности Н. Г. Младовым. Такой «демократизации» В. И. Кирцендель допустить, естественно, не мог, и Н. Г. Младов был уволен с препода-

вательской должности. Однако за молодого преподавателя вступилась часть ученического коллектива, в первую очередь гимназистки старших классов, которые на заседании родительского комитета гимназии совместно с педагогическим советом и представителями от учащихся 8 октября 1917 г. потребовали восстановить Н. Г. Младова в должности. На заседании некоторые из выступающих заявили, что позиция В. И. Кирценделя свидетельствует о приверженности старому режиму и таким преподавателям «не место в свободной школе». В ответ педагогический совет Второй женской гимназии подал в отставку [13, с. 56].

Конфликт начал приобретать политическую окраску. В поддержку Н. Г. Младова и его сторонников среди гимназисток выступил Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов. 10 октября 1917 г. В. И. Кирценделя даже допросили в Следственной комиссии Екатеринбургского совета. Педагогический совет Второй женской гимназии, наоборот, был поддержан Уральским педагогическим союзом, в решении правления которого от 16 октября 1917 г. было заявлено: «Полное игнорирование решений педагогической корпорации Второй женской гимназии и агитация среди учащихся – действия недопустимые и с профессиональной точки зрения – неэтичные» [13, с. 57].

После большевистского Октябрьского переворота политическая позиция руководителей Уральского педагогического союза и большинства учителей Екатеринбурга оставалась неизменной: преобразования в общественной жизни, в том числе в сфере образования, они связывали с созывом Всероссийского Учредительного собрания. Приход к власти большевиков они оценивали как временное явление, считали незаконным вмешательство Советской власти в деятельность учебных учреждений. Да и сами большевики до роспуска Учредительного собрания считали свое правительство «временным».

Однако уже в ноябре 1917 г. Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов начал вмешиваться в работу образовательных учреждений города, что вызвало крайне негативную реакцию Уральского педагогического союза. Начало этому положил конфликт в педагогическом коллективе Торговой школы. Девять человек преподавателей этого учебного заведения – сторонники кадетской партии – объявили бойкот своему коллеге Д. А. Киселеву за его принадлежность к большевикам. Дмитрий Алексеевич Киселев, специалист по педагогике и дидактике, стал преподавателем в Торговой школе в 1911 г. В 1914 г. за участие

в организации нелегального политического собрания учителей во время проведения летних окружных курсов переподготовки школьных работников он был выслан из Екатеринбурга. После окончания ссылки Киселев вернулся в город и вновь был принят в школу [11. 1917. 23 июня]. Весной 1917 г. принимал активное участие в политической жизни Екатеринбурга.

В Торговой школе, защищая своего учителя от нападков политических противников, его ученики объявили забастовку. Родительский комитет Торговой школы вынес вопрос о мерах по восстановлению нормальной жизни этого учебного заведения на общем собрании родителей учащихся 10 ноября 1917 г. На собрание были допущены четверо представителей от учеников и несколько делегатов от выпускников школы. Собрание постановило инспектора школы и двух учителей – организаторов бойкота Киселева – освободить от должности, а самого Д. А. Киселева избрать инспектором Торгового училища [11. 1917. 23 нояб.].

20 ноября состоялось совместное заседание попечительского и педагогического совета Торговой школы, на котором было решено школу закрыть и объявить прием учащихся по прошениям с условием взятия с них подписки о повинности начальству школы. В ответ на это постановление Д. А. Киселев явочным порядком 22 ноября начал занятия, заменив не явившихся преподавателей Торговой школы сторонниками большевиков – студентами Екатеринбургского учительского института. Заменить пришлось всех педагогов, так как последние решили забастовать [11. 1917. 26 нояб.].

На предложение бывшему инспектору сдать дела по школе тот не только ответил отказом, но и опечатал помещение. Тогда 7 декабря в квартиру инспектора явились семь вооруженных солдат и заставили его следовать в Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов. Здесь он вынужден был дать подписку о передаче школы в трехдневный срок и о выселении в этот срок из жилого помещения [11. 1917. 9 дек.].

Правление Уральского педагогического союза объявило вмешательство Советов в жизнь школы и насилие незаконными и в знак протеста объявило об учительской забастовке в Екатеринбурге [11. 1917. 9 дек.]. Объявляя забастовку, УПС надеялся на ликвидацию Советской власти в связи с открытием 5 января 1918 г. Учредительного собрания в Петрограде. Именно поэтому Уральский педагогический союз отклонил предложение большевиков прислать представителей этой учительской организации в Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов [14, с. 238]. 19 декабря 1917 г.

в здании реального училища на общем собрании учащихся старших классов г. Екатеринбурга член правления УПС, преподаватель мужской гимназии В. И. Будрин выступил с докладом о переговорах Уральского педагогического союза с Екатеринбургским Советом. Однако большинство собрания высказалось за прекращение забастовки «при условии, что со стороны Советов солдатских и рабочих депутатов не будет проявлено вмешательство в жизнь автономной школы, а также не будет проведено репрессий по отношению к Педагогическому Союзу...» [11. 1917. 22 дек.]. 21 декабря 1917 г. на собрании Уральского педагогического союза было заявлено о прекращении учительской забастовки, длившейся две недели [11. 1917. 25 дек.].

Прекращение забастовки во многом было связано и с тем, что надежды на то, что с открытием Учредительного собрания Советская власть будет упразднена, после роспуска большевиками всероссийского демократического представительства были утрачены. Большевики же после III Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (10 января 1918 г.) приступили к формированию советских органов местного управления, в том числе и народным образованием. В Екатеринбурге в начале 1918 г. при городском Совете рабочих и солдатских депутатов был создан отдел народного образования [18. 1918. 28 (15) февр.], а после ликвидации городской управы были организованы 11 комиссариатов, в том числе Комиссариат по народному образованию (позже просвещению) во главе с Д. А. Киселевым [18. 1918. 7 марта]. 17 марта 1918 г. в этом органе управления народным образованием было создано три отдела: внешкольный – заведующий А. А. Герасимов, школьный – заведующий В. Я. Павловский и театральный – заведующий М. Е. Кусков. В школьном отделе функционировали подотделы – низших, средних и высших учебных заведений. В комиссариате работали служащие – завхоз, секретарь, регистратор, три машинистки и два сторожа. Кроме того, при каждом заведующем отделом документацию вел отдельный делопроизводитель [8, л. 20]. В марте 1918 г. городской комиссариат занимал половину помещения конторы Реддавей [18. 1918. 23 (11) марта], а в начале апреля окончательно переехал в дом Борчанинова на Уктусской (сейчас ул. 8 марта), дом 18 [20. 1918. 5 апр. (23 марта)].

Существовавшие до июня 1918 г. советские региональные органы управления образованием имели гораздо большие права и были более самостоятельными в принятии решений, чем вошедшие позднее в систему

Народного комиссариата просвещения местные отделы. Это объясняется тем, что в это время в Советской России окончательно законодательно еще не был решен вопрос о том, постановления каких органов – местных или центральных – имеют преимущество при решении вопросов. Характерно, что в марте создается также для управления уездными образовательными учреждениями Екатеринбургский уездный комиссариат по народному образованию во главе с А. И. Пармоновым [20. 1918. 28 (24) марта].

В первой половине 1918 г. Наркомпрос РСФСР практически не рассылал на места обязательные постановления, инструкции, методические разработки, предоставляя возможность местным органам Советской власти самостоятельно решать вопросы, связанные с деятельностью общеобразовательных и культурно-просветительных учреждений. Видимо, в это время большевистское руководство еще не определилось с тем, что будет представлять из себя новая советская школа. Различные точки зрения по существу вопроса высказывали общественные деятели и практические работники на местах, в том числе учителя.

В апреле 1918 г. в комиссариат просвещения Екатеринбурга поступили первые номера начавшего издаваться в Москве журнала «Новая школа». На страницах этого издания, характеризующего себя как «журнал независимой общественно-педагогической мысли», специалисты в области педагогики излагали свои взгляды на систему школьного образования в России. Как и большинство учительства, в том числе екатеринбургского, авторы статей, помещенных в журнале, были согласны с тезисом в статье Д. Тесовского «Характер, основы и задачи новой школы» о том, что «все мыслящее и передовое русское общество объединилось в одном лозунге: долой старую школу!», «да здравствует новая школа...» и в этом «наблюдается полное единодушие со стороны науки и общественных деятелей» [18, с. 9].

А вот что касается «новой» школы, то авторы журнальных публикаций по этому вопросу высказывали различные точки зрения. В то же время педагогическая общественность в начале 1918 г. не собиралась отказываться от опыта дореволюционной системы школьного образования. Об этом свидетельствуют такие большие обзоры в журнале «Новая школа» – «Русская педагогическая мысль накануне революции» А. А. Красновского [18, с. 155] и «Единая школа в законопроектах государственного комитета» С. Г. Смирнова [17, с. 75], где поднимались такие актуальные проблемы, как автономия школы, источники финан-

сирования, формы отчетности, обязательный минимум знаний и гибкость учебных планов, продолжительность учебного времени, многопредметность. О необходимости использования дореволюционного опыта говорится и в публикациях журнала, посвященных частным методикам, например, «Астрономия как наука и как учебный предмет» [17, с. 85], «Обзор трудов по реформе преподавания физики 1898-1917 гг.» [18, с. 171] и др.

Авторы журнальных статей по педагогике первой половины 1918 г. в большинстве своем не руководствовались установками большевистского руководства о «классовом» характере «новой» школы и в оценке задач, стоящих перед школьным образованием, исходили, по существу, из общечеловеческих ценностей. Тот же Д. Тесовский писал, что недопустимым явлением и даже преступлением перед школой является тот факт, что научная истина приносится в жертву преходящим партийным или классовым целям, если школу вовлекают в политическую или партийную борьбу, ситуацию, когда школа может оказаться в центре политической жизни, «стать орудием преходящих партийных интересов, а не местом создания вечных культурных ценностей» [18, с. 130].

В обстановке, когда четкие установки о характере новой школы со стороны педагогической науки и политического руководства отсутствовали, главными направлениями в деятельности местных советских органов управления народным образованием, в том числе Екатеринбургского комиссариата просвещения, в первой половине 1918 г. были замена администрации учебных заведений сторонниками большевиков и изменение политических настроений учительства в сторону поддержки Советской власти.

По воспоминаниям Д. А. Киселева, для его ведомства «первым делом было преобразование бывшего в Екатеринбурге учительского института» [14, с. 239]. Это среднее учебное заведение было открыто в Екатеринбурге в 1912 г. и готовило учителей для начальных высших училищ [13, с. 166]. В 1917 г. Временное правительство принимает решение о преобразовании учительских институтов в высшие региональные педагогические учебные заведения, и были сделаны первые шаги в этом направлении. В Екатеринбурге решающее значение для реформирования института имела забастовка слушателей в сентябре 1917 г., в результате которой курсовое обучение было разделено по специальностям: естественнонаучное и физико-математическое на втором и третьем курсах, представители учащихся были допущены в педагогический

совет этого учебного заведения [2, л. 5]. После выполнения требований бастовавших с 1 октября 1917 г. занятия в институте возобновились.

Впрочем в конце 1917 – начале 1918 гг. в Екатеринбурге местная педагогическая общественность, в том числе и директор учительского института И. А. Тихомирова, связывала становление высшего педагогического образования в городе с созданием на базе учительского института и – как его продолжение – принципиально нового учебного заведения Уральской высшей педагогической школы (УВПШ). Разработанный проект создания общеуральского педвуза был поддержан и комиссариатом просвещения города [12]. Было принято решение закрыть учительский институт и преобразовать его в УВПШ, провести выборы преподавательского состава нового учебного заведения. Однако, поскольку большинство преподавателей учительского института были сторонниками Уральского педагогического союза, занимавшего открыто антибольшевистскую, антисоветскую позицию, Д. А. Киселевым было решено составить такое положение по выборам, которое бы исключало избрание на преподавательские должности активных противников Советской власти. Параллельно весной 1918 г. комиссариатом просвещения города были намечены выборы учителей других средних учебных заведений, а также учителей высших и низших начальных училищ Екатеринбурга по правилам, аналогичным положению о выборах в Уральскую высшую педагогическую школу.

«Положение» о выборах преподавателей общеобразовательных школ было принято комиссариатом народного просвещения 21 марта 1918 г. В изданном постановлении указывалось: «Весь педагогический персонал должен подать в отставку. Желющие занять место вновь подают заявление в избирательную комиссию. Не подавшие заявления будут считаться уволенными без права на пенсию... Все неизбранные вновь преподаватели на основании декрета комиссариата по народному образованию считаются уволенными на общих основаниях» [8, л. 50].

При этом в постановлении комиссариата состав избирательных комиссий определялся так, чтобы обеспечить большинство за сторонниками Советской власти. В комиссию по выборам преподавателей в средние учебные заведения должно было входить пять представителей от советов рабочих и солдатских депутатов, трое – от центрального бюро профессиональных союзов, двое – от родительского комитета, двое – от союза рабочей молодежи и 12

представителей – от учащихся, из них шесть человек – от «социалистического кружка» учащихся в данном учебном заведении и шестеро учащихся – несоциалистов [8, л. 50].

В высших начальных училищах избирательные комиссии должны были состоять из четырех представителей комиссариата просвещения, четырех представителей профессиональных союзов, четырех – от родителей и четырех делегатов от учеников 3-4 классов. В низших начальных училищах образовывались избирательные комиссии, в состав которых входили по четыре представителя от Советской власти, бюро профессиональных союзов и родителей [8, л. 50].

Таким образом, учителя фактически не могли влиять на итоги выборов. В то же время отказ преподавателей от подачи заявлений в избирательную комиссию большевистским руководством расценивался как непризнание Советской власти. В педагогических и ученических коллективах екатеринбургских учебных заведений постановление комиссариата от 21 марта вызвало раскол, горячие дискуссии, в которых противники большевиков имели явное большинство. Руководство Уральского педагогического союза считало недопустимым отстранение учителя от выборов педагогического персонала. Что касается ученических ассоциаций, то правление созданной в марте 1918 г. в Екатеринбурге Зауральской корпорации учащихся предложило формировать избирательные комиссии по выбору педагогического состава из представителей учащихся, родителей и общественных организаций [10, л. 54].

На собрании в Екатеринбургском совете рабочих и солдатских депутатов выступивший от имени большинства слушателей учительского института Харченко заявил, что считает предложенную Д. А. Киселевым комиссию по выборам неправомочной и полагает, что при данном составе комиссии «выборы ... точь-в-точь такие, какие существовали при самодержавном строе» [8, л. 50]. Таким образом, совещания и собрания учителей о системе выборов педагогического персонала приняли характер политических дискуссий.

В ряде случаев советские органы стали брать на себя функции смещения неудобных им лиц из администрации учебных заведений. Уже в феврале 1918 г. исполкомом Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов по причинам политического характера был уволен со службы директор художественно-промышленной школы В. М. Анастасьев – активист конституционно-демократической партии (кадетов) [8, л. 29]. 11 марта 1918 г. отдел народ-

ного образования при Екатеринбургском совете постановил гражданину И. А. Тихмирову, бывшему директору учительского института, сдать дела, ключи и инвентарь хозяйственной комиссии Уральской высшей педагогической школы [1, л. 85].

В марте 1918 г. за «отказ подчиняться постановлениям Советской власти» комиссаром просвещения Екатеринбурга была отстранена от должности исполняющая обязанности начальницы Второй женской гимназии М. А. Агафонова [8, л. 55]. Попечительский совет Второй гимназии попытался заступиться за М. А. Агафонову и 20 марта принял постановление, в котором поведение начальницы объяснялось недоразумением в отношениях между ней и Д. А. Киселевым, а не нежеланием подчиняться советским органом народного образования [10, л. 60]. Однако это заступничество не было принято во внимание. Характерно, что до революции руководство гимназий избиралось именно попечительскими советами.

В противовес Уральскому педагогическому союзу большевиками был создан Союз учителей-интернационалистов. На собрании этого союза 26 марта 1918 г. присутствовали 24 человека, было избрано правление во главе с председателем – Озеровым [20. 1918. 27 (14) марта]. Два представителя вновь созданной учительской организации вошли в состав Екатеринбургского городского совета рабочих и солдатских депутатов [14, с. 240]. По указанию Д. А. Киселева в Екатеринбурге было размножено объявление: «Ввиду перевыборов педагогов всех учебных заведений г. Екатеринбурга Комиссариат Народного просвещения просит всех учителей, стоящих на платформе Советской власти, сообщить свой адрес в комиссариат» [9, л. 21].

Под давлением большевиков на общегородском собрании учителей низших начальных училищ 1 апреля 1918 г. большинством (35 – «за», 16 – «против») было принято решение об участии преподавателей в выборах [20. 1918. 4 апр.]. Впрочем при избрании педагогов в низшие начальные учебные заведения в апреле – мае в Первом Богоявленском училище и в пятнадцатом начальном училище правила, объявленные постановлением городского комиссара от 21 марта 1918 г., не были соблюдены, поэтому результаты были признаны недействительными, а педагогический персонал обеих училищ был уволен со службы «за открытое противодействие распоряжениям Советской власти» [8, л. 93]. По правилам, предложенным большевиками, выборы прошли и в высших начальных училищах.

Что касается преподавателей екатеринбургских средних учебных заведений, то большинство из них отказались подавать заявления о выборах на должность. Поэтому по приказу Д. А. Киселева 25 марта 1918 г. в старших классах екатеринбургских гимназий и училищ занятия были прекращены [9, л. 2], а 27 марта в городские средние учебные заведения были назначены комиссары «для общего наблюдения за ходом учебного дела и внутренним порядком» [20. 1918. 27 марта]. Комиссарами были назначены: в реальное училище – Озеров, в мужскую гимназию – Ложкин, в Первую женскую гимназию – Парамонов, во Вторую женскую – Гусев, в частную гимназию Остроумовой – Кожевников [20. 1918. 27 марта]. Однако лишь Н. Я. Ложкину удалось в начале апреля провести в мужской гимназии выборы учителей. Из прежнего состава гимназии среди пятнадцати избранных преподавателей осталось только пять. Забаллотированными оказались в первую очередь противники Советской власти [20. 1918. 7 апр.]. В частности, не был избран на должность один из активистов Уральского педагогического союза В. И. Будрин.

Во Второй женской гимназии заявление об участии в выборах по правилам, предложенным большевиками, подали лишь трое. Они же в конце апреля были избраны при баллотировке: преподаватель словесности Н. П. Младов, преподаватель физики и математики Е. В. Бушинский, преподаватель математики – Е. В. Броновская. Городским комиссариатом просвещения этим преподавателям были переданы имущество и дела гимназии [10, л. 7]. В реальном училище выборы преподавателей до прихода белых в город так и не состоялись. Поэтому 27 апреля 1918 г. было опубликовано постановление городского комиссариата просвещения, в котором указывалось, что «ввиду того, что учащие Екатеринбургского реального училища отказались от совместной работы с городским комиссариатом народного просвещения, не желая подавать заявления в избирательную комиссию по выборам педагогов, составленную комиссариатом, занятия в реальном училище 25 апреля прекратить до начала следующего учебного года. Педагогическому персоналу предложить выдать всем учащимся в двухдневный срок удостоверения о переходе в следующий класс. После этого весь педагогический состав считается уволенным» [20. 1918. 27 апр.].

Состоявшиеся 26 апреля пере выборы педагогов в частной гимназии Л. Н. Остроумовой были проведены в нарушение инструкции комиссариата просвещения [20. 1918. 5 мая], и их результаты не были

утверждены. Более того, 4 июня 1918 г. все частные учебные заведения в Екатеринбурге (училища, школы, курсы) со всем имеющимся в них инвентарем и имуществом перешли в ведение органов Советской власти [8, л. 102].

В Первой женской гимназии ни один из бывших преподавателей не пожелал участвовать в конкурсе. Выборы по решению Екатеринбургского совета были проведены лишь 8 июня. Баллотировались и были избраны новые лица: Н. П. Мартынов, окончивший в 1917 г. Петербургский университет, П. Е. Рязановский – беженец, преподаватель одного из средних учебных заведений Эстляндской губернии, и Е. А. Скворцова – преподаватель смешанной гимназии в Лысьвенском заводе. Результаты выборов были утверждены городским комиссариатом просвещения. Избрание бывшей учительницы начальной школы Н. М. Левиной комиссариатом не было утверждено [20. 1918. 12 июня].

После того как 1 марта 1918 г. на общем собрании слушателей и преподавателей Екатеринбургского учительского института было принято решение о преобразовании этого среднего учебного заведения в педагогический вуз – Уральскую высшую педагогическую школу (УВПШ) [8, л. 25], многие слушатели и преподаватели, протестуя против навязанной большевиками системы выборов педагогического персонала УВПШ, отказались от учебы и работы во вновь создаваемом учебном заведении. И. А. Тихомиров в своем отчете, написанном уже в период правления колчаковского правительства, пишет, что лишь 33 человека перешли из учительского института в создаваемый педагогический вуз [2, л. 5]. А на 1 января 1918 г. в учительском институте числилось 72 воспитанника [2, л. 8].

В результате, в составе студентов и преподавателей УВПШ оказались исключительно сторонники Советской власти. В педагогический совет нового учебного заведения вошли 9 преподавателей и такое же количество представителей, избранных от слушателей (учащиеся 1-3 курсов учительского института). С совещательным голосом в педагогический совет вошел комиссар народного просвещения Екатеринбурга Д. А. Киселев. По его предложению председателем педагогического совета Уральской высшей педагогической школы был избран В. В. Троицкий [7, л. 1].

Поскольку деятельность советских органов народного образования и педагогической общественности Екатеринбурга по созданию первого в городе педагогического вуза подробно описана в статье Б. М. Игошева и М. В. Попова [12], мы не будем по-

дробно на этом останавливаться. Хотелось бы отметить только, что весной 1918 г. местные советские органы в гораздо большей степени, чем в последующий период, могли по собственной инициативе принимать решения и независимо от центрального государственного аппарата самостоятельно проводить их в жизнь, в том числе в сфере просвещения. К июлю 1918 г. формирование всех структур ЕВПС было завершено, и лишь вступление в Екатеринбург 25 июля 1918 г. частей Чехословацкого корпуса и приход белогвардейских правительств изменило ситуацию. Белогвардейцы также считали необходимым создание высшего педагогического учебного заведения на Урале, но, поскольку Уральская высшая педагогическая школа считалась «детисцем» большевиков, о ее возрождении при белогвардейских режимах не могло быть и речи.

Что касается политических настроений екатеринбургского учительства весной – в начале лета 1918 г., то, как показывают все вышеприведенные факты, вряд ли учительство было целиком настроено антисоветски. Все-таки часть учителей поддерживала советскую власть. Это признавали даже противники большевиков. Так, в подготовленном Екатеринбургским земством в 1919 г., уже при колчаковском режиме, докладе прямо говорится, что, переманив на свою сторону наиболее бойких легкомысленных, обладающих ораторским талантом учителей, большевики старались распропагандировать преподавателей, указывая на их низкую материальную обеспеченность. Обещая золотые горы, они сумели значительную часть учителей, как тогда говорили, «поставить на советскую платформу» [6, л. 15].

Определенная часть школьных работников заняла выжидательную позицию, особенно когда в конце мая 1918 г. в Челябинске начался мятеж Чехословацкого корпуса. Если активные противники Советской власти, прежде всего руководство Уральского педагогического союза, перешли на нелегальное положение, то большинство педагогов, как об этом пишет в статье в 1923 г. Д. А. Киселев, обратилось «в комиссариат народного просвещения с просьбой выдать им удостоверения, что они не служили у Советской власти» [14, с. 241]. Отказ от выдачи такого документа комиссар по народному образованию объяснял тем, что нелепо удостоверять то, что учителя не делали, тем более, что многие из них состояли членами Уральского педагогического союза и выдача такого удостоверения была бы прямым делом этой учительской организации [14, с. 241].

События первой половины 1918 г. свидетельствуют, что в этот период политика

большевиков в отношении екатеринбургского учительства хотя и имела насильственный характер, но не была жесткой и репрессивной – даже для прямых противников Советской власти все заканчивалось лишь неизбранием и увольнением, либо снятием с административных постов. Постановлением комиссара по народному просвещению занятия во всех учебных заведениях Екатеринбурга заканчивались 18 мая 1918 г., а переход учащихся в следующие классы должен был быть осуществлен без экзаменов, по итогам общей успеваемости за прошедший год. В то же время осенью планировалось возобновление работы екатеринбургских школ. Что касается преподавателей, то на летний период комиссариатом просвещения планировалось привлечение учителей как работников, имеющих достаточно высокий образовательный уровень к деятельности в городских административных, хозяйственных и культурно-просветительных организациях в порядке трудовой повинности [8, л. 1].

Декрет Совнаркома РСФСР от 8 июня 1918 г. «О передаче в ведение комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений всех ведомств» [19] был завершающим шагом в деле централизации управления народным образованием. С этого момента, поскольку финансирование просвещения стало централизовано, указания из центра стали иметь решающее значение, а местные органы управления образованием стали лишь отделами Наркомпроса. Летом – осенью 1918 г. на территориях, где существовала Советская власть, были приняты государственные акты, которые привели к радикальному изменению системы просвещения. Школа объявлялась трудовой, единой, бесплатной, светской. Вводилось совместное обучение детей обоего пола. Была ликвидирована разноведомственность дореволюционной школы: разные типы начальных и средних школ были сведены к двум – I и II ступени [16, с. 1-5]. Однако, что касается Екатеринбурга, то в июле 1918 г. он был захвачен белогвардейцами и изменения эти здесь в полной мере произошли лишь после освобождения города от колчаковских войск летом 1919 г.

Таким образом, произошедшая сто лет назад русская революция оказала громадное влияние на изменения во всех сферах жизни нашей страны, в том числе и на развитие народного образования. Революция открыла возможности для реформирования и модернизации общеобразовательной школы на началах свободы, демократизма, децентрализации системы управления учебными заведениями. Однако попытки решить назревшие проблемы революционным,

насильственным путем привели к расколу в среде учащихся и в педагогическом сообществе. Этот раскол был усугублен большевистской политикой «классового противостояния», и, в конечном итоге, отсутствие стрем-

ления к социальному компромиссу среди учителей и учащихся привело различные их части во враждующие лагеря в ходе развернувшейся в начале лета 1918 г. широкомасштабной гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 44.
2. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189.
3. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 247.
4. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257.
5. ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 56.
6. ГАСО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 35.
7. ГАСО. Ф. Р. 1480. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАСО. Ф. Р. 1600. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАСО. Ф. Р. 1600. Оп. 1. Д. 6.
10. ГАСО. Ф. Р. 1600. Оп. 1. Д. 7.
11. Зауральский край. 1917.
12. Игошев Б. М., Попов М. В. Революция и Уральская высшая педагогическая школа (к 95-летию со дня создания) // Педагогическое образование в России. 2013. №2.
13. Игошев Б. М., Попов М. В., Елисафенко М. К., Суворов М. В. История развития педагогического образования в Екатеринбурге (1871-1930). Екатеринбург, 2013.
14. Киселев Д. А. Екатеринбургская школа в 1911-1923 гг. // Екатеринбург за двести лет (1723-1923). Екатеринбург, 1923.
15. Королев Ф. Ф. Очерки истории советской школы и педагогики: 1917-1920. М., 1958.
16. Народное образование. 1919. № 6-7.
17. Новая школа. Журнал независимой общественно-педагогической мысли. 1918. №2.
18. Новая школа. 1918. №3.
19. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. № 39.
20. Уральская жизнь. 1916-1918.
21. Учитель и школа. Орган Уральского педагогического союза. 1917. Окт.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee – GASO). F. 2. Op. 1. D. 44.
2. GASO. F. 2. Op. 1. D. 189.
3. GASO. F. 4. Op. 1. D. 247.
4. GASO. F. 4. Op. 1. D. 257.
5. GASO. F. 90. Op. 1. D. 56.
6. GASO. F. 829. Op. 1. D. 35.
7. GASO. F. R. 1480. Op. 1. D. 2.
8. GASO. F. R. 1600. Op. 1. D. 5.
9. GASO. F. R. 1600. Op. 1. D. 6.
10. GASO. F. R. 1600. Op. 1. D. 7.
11. Zaural'skiy kray. 1917.
12. Igoshev B. M., Popov M. V. Revolyutsiya i Ural'skaya vysshaya pedagogicheskaya shkola (k 95-letiyu so dnya sozdaniya) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. №2.
13. Igoshev B. M., Popov M. V., Elisafenko M. K., Suvorov M. V. Istoriya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge (1871-1930). Ekaterinburg, 2013.
14. Kiselev D. A. Ekaterinburgskaya shkola v 1911-1923 gg. // Ekaterinburg za dvesti let (1723-1923). Ekaterinburg, 1923.
15. Korolev F. F. Ocherki istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki: 1917-1920. M., 1958.
16. Narodnoe obrazovanie. 1919. № 6-7.
17. Novaya shkola. Zhurnal nezavisimoy obshchestvenno-pedagogicheskoy mysli. 1918. №2.
18. Novaya shkola. 1918. №3.
19. Sobranie Uzakoneniya i Rasporyazheniya Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. № 39.
20. Ural'skaya zhizn'. 1916-1918.
21. Uchitel' i shkola. Organ Ural'skogo pedagogicheskogo soyuza. 1917. Okt.

Статью рекомендует д-р пед. наук, проф. Б. М. Игошев.